

2207

Недавно я прочитала повесть армянского прозаика В. Григоряна «Отлив» в его книге «Белая ворона» («Советский писатель», 1982). По-новому, свежо, интересно рассказал автор о своем герое. Он, что называется, человек обыкновенный и живет, как многие: работает, имеет жену, подругу, развлекается с приятелями, пока домашние в отъезде... И вдруг — становится невидимкой. И начинаются его злоключения. Конечно, это уже фантастика, но страдает-то герой вполне реально. Мне кажется, в оригинальном приеме — своеобразные повести, ее художественное открытие. Но была ли необходима писателю эта условная схема для исследования характера героя? Думаю, и аналогичным формальным приемам прибегают многие современные прозаики, стремящиеся писать ярко, необычно, с расчетом вызвать интерес читателя...

И. ГРИЦКОВА

ТАМБОВ

ВСЕ, КОНЕЧНО ЖЕ, помнят легенду об Ахилле, о том, как Фетида погрузила младенца в подземную реку царства Аида, держа его за пятку. Тело Ахилла стало твердым, как железо, и лишь пятка, которой не коснулась вода, осталась единственным уязвимым местом. Любопытно — спустя более чем тысячелетие этот сюжет «очнулся» в древнегерманской легенде о Зигфриде («Песнь о нибелунгах»). Зигфрид убивает дракона и, чтобы стать непобедимым, омывается в потоке драконово́й крови. Но к спине его прилип один липовый листок — так же, как Ахилл, герой был поражен ударом в эту «ахиллесову пятку»...

Сюжетное совпадение античной и древнегерманской легенд — капля в поистине необъятном море совпадений, переплетений, повторений древних сказаний и мифов. Слово могучий ветер носил их над землей, перепрыгивая через океаны, горы, с материка на материк. Специалисты даже подсчитали количество сюжетов, над которыми постоянно работает мировая литература, вечно повторяясь и вечно обновляясь.

В этом смысле чем может поразить нас современный автор? Очевидно, только одним: если ему удастся в древние мехи искусства влить новое, молодое, свежее вино. Вино, приготовленное из винограда сегодняшнего урожая. Но сколько художников одновременно сотворяют свое вино!

Сумел ли Ваагн Григорян, о повести которого пишет читательница из Тамбова, сделать свое «вино» неповторимым?

И. Грицкова нашла авторский прием (герой-невидимка) новаторским. К сожалению, не могу разделить ее радости по этому поводу. И на этот раз не буду перечислять литературные произведения с древних времен и до наших дней, где подобный прием уже использовался. Посоветую прочитать рассказ Арчила Сулакаури «Нежная ветка ореха» («Дружба народов», № 12, 1977). Герой этого рассказа тоже становится невидимым. Почему? «Этот человек... ничтожество... Пустое место... больше ниче-

Пробуя «вино», предложенное армянским прозаиком, ловишь себя на том, что кусковые ощущения эти ты уже не раз испытывал. Да, эта проза очень удобно ложится в то русло, что проторили так называемые «сорокалетние» авторы: В. Маканин, Р. Киреев, Ан. Курчаткин, В. Михальский и др. Но примечательный факт — герой повести «Отлив» почти лишен каких-либо

нм аргументом: душа! Однако противники с желчью бросают в ответ: «Мелкая, ничтожная, пустая душа!»

«Ксанф, пойдй и выпей море», — скажем мы. Труднее всего бороться с закругленностью обобщений, в которых смешались и правда, и несправедливость. Случалась серьезная драма — и мы сострадали ее героям. Та же драма есть

ми многочисленными литературными братьями. Но... мастерство писателя выявляется в том, насколько пронзительно ему удается показать этот путь героя к себе. В. Григорян, как мне кажется, заглянул эту пронзительность слишком большим вниманием к формальной стороне, к приему. Он слишком старательно обставил объяснениями (есть в повести главы, в которых автор, как бы опережая возможных критиков, сам растолковывает суть ее, заставляет самих участников действия еще до занавеса писать отзывы на его повесть, беседует с героем, как с реальным лицом и т. д.), привнес в повествование расхолаживающий чувства читателей анализ, как говорится, перестарался, пережал. Да и злоупотребил терпением: повесть по объему огромна и, несмотря на гибкий, местами яркий, точный, остроумный язык и свободный, раскованный стиль, дочитывается с усилием.

Владимир
КУНИЦЫН

Критик отвечает читателю

какая / образ современ. На фоне

СТАРЫЕ МЕХИ, НОВОЕ ВИНО...

го» — так говорит о нем Нани, женщина, которую он любил, но потерял из-за собственной трусости.

Герой этой странной истории Ник и гости на даче, куда герой приглашен, — люди двух разных измерений. Ник здесь — как олицетворение изгнанного, отторгнутого духа, а гости — сборище монстров, какое-то обобщенное физическое тело, отрешенное от духа в себе и объявившее ему вечный и смертный бой. Потому и не видят они героя. Уже не дано. Незрячая плоть, но цепкая, прожорливая, посягающая! И Нани среди них. Потому что слабость, трусость Ника — их сила. Традиционен финал — автор, лукаво усмехаясь, намекает: все случившееся с героем, возможно, сон...

В повести В. Григоряна «Отлив» директор института (герой — его зам.) говорит: Геворк умер (в том смысле, что человек, так дурно исполняющий свои обязанности, для него просто не существует), и Геворк действительно исчезает, становясь невидимкой, общественное мнение его как бы похоронило и в переносном, и в буквальном смысле.

Очевидно, должна быть какая-то внутренняя логика у такого условного, игрового приема. У В. Григоряна эта логика намечена, но она — хромоножка. Можно уловить сатирическую краску в том, что после реплики директора героя перестают видеть в институте, можно, хотя и с натяжкой, принять то, что и прохожие перестают его замечать, но как объяснить то, что Геворк стал невидимым для любящих его сына, отца, матери? И в то же время он видим для Нектар, разлюбившей его любовницы. Автор или прихотлив, или непосла-

национальных особенностей, впрочем, как и большинство других персонажей. Поменяйте имена на русские и, пожалуй, не догадаетесь, что повесть написал армянин. Не есть ли это всеобщая черта урбанистического героя? Любопытная проблема.

Много споров и дискуссий вызвала эта проза в последнее время, и в первую очередь — ее герой, появившийся на литературных подмостках. Вольно или невольно, но, наведя на него прожектор, как бы отделив его от остальных, критика придала ему этаким блеск исключительности, укрупнила черты и облик, создала едва ли не иллюзию, что он главный. Не случайно же один из популярнейших наших критиков «бросил перчатку»: «Вот вам герой!» Но жизнь эту перчатку, похоже, не подняла. Убедите указующие прожекторы, и там посмотрим, кто кого переиграет на тесной и жесткой сцене! Отказав такому герою в претензиях на первую роль, отдадим и должное: некоторые авторы показали (и, пожалуй, открыли) тип современного человека, широко распространенный, и не только в среде интеллигенции, суть которого, вероятно, — в его нравственной и духовной растерянности. Эта растерянность — подвижная. У одних она опускается до ледяной, озлобленной агрессивности; у других до расцветает до каторги самостязания. Но это полуса, а между ними — сколько оттенков, вариантов искренней и лицемерной «вибрации», которая и создает межплюсное напряжение! Аполлет этой прозы торжественно восклицает: «Но ведь живая же человеческая душа трепещет!» И, казалось бы, пади ниц пред таким сокрушитель-

и в произведениях нынешних авторов, там, где не только герой виновник своего нравственного поражения, но и надличностная сила неподвластная ему обстоятельство. Там же, где конфликт строится на одной лишь слабости героя, его самоубийство, на несостоятельности душевной и умственной деятельности, где социальное (общее) вытесняется болезненной истомой саморазлагающегося «я», и в ядовитой ауре его страдают невинные, — стоит ли впадать в расслабляющую слезливость всепрощения и псевдогуманность всепонимания? Нет ли в этом своеобразного интеллигентского снобизма? Тем более что альтернатива подобному герою существует как в самой прозе «сорокалетних» (А. Ким, В. Крупин, А. Проханов), так и в жизни. Ярким примером присутствия стойкого мужественного начала в нашем современнике может послужить герой документального очерка «После шторма» («ЛГ», № 3, 1983). Кстати, классики не брезговали прибегать к подобным материалам как к помощникам в поиске жизненных сюжетов. Правда, такой материал требует от автора ответного мужества, а его не займешь, как сюжет.

Герой повести В. Григоряна «Отлив» существует в знакомой до боли схеме событий и отношений. Схема эта отрабатывается сегодня в литературе, как таблица умножения: человек размещается на пустяки, теряет среди бытовых химер свою личность, свое «я», и единственный путь к спасению, возрождению — пострадать, переболеть равнодушием, припасть к родовым истокам. Геворк этот путь проходит вслед за сво-

Впрочем, сама попытка «взбудрить» так называемую бытовую прозу привнесением в нее условной формы представляется перспективной. Да, этот образ мельчающего, словно испаряющегося человека, мучающий сегодня литературу, так и просится в «невидимки». Метафора сама ищет перо и, как видим, находит. И жаль только, что повесть в целом намного слабее прекрасного финала. Сцена, где мать наконец видит своего блудного, несчастного сына и обнимает его своей любовью и покоем, покоряет сердце. Интересное «совпадение» — в живой, именно пронзительной, театральной постановке по пьесе А. Дударева «Порог» (московский Театр имени Станиславского), где герой существует в той же традиционной схеме: пал — возродился, где также есть это сюжетное возвращение блудного сына в отчий дом, мать не узнала сына, не увидела его! Какая это драматургически сильная и точная сцена!

Стало быть, дело все-таки не в приеме — в том, потрясен ли сам автор и может ли перелить эту потрясённость в нас, читателя и зрителей. В одном тематическом ряду с повестью В. Григоряна и пьесой А. Дударева стоит и фильм режиссера Р. Балаяна «Полеты во сне и наяву». Кинематограф, чуть отставший от литературы в раскрытии темы «растерянного человека», как бы одним рывком «догнал» ее. Потому что истинная боль — всегда новая, всегда способна заразить и перевернуть. И мы за такое новаторство! Но для него мало мастерства и таланта — нужны страдающая душа и мысль художника. Именно этой «новизны», на мой взгляд, не достало «вину», влитому В. Григоряном в старые мехи. И не в том беда, что «рецептом изготовления» пользовались до него многие другие...